

ZOOM × 2: ЧТО СОВПАЛО В КОИНСИДЕНТОЛОГИИ И ПОЧЕМУ ЭТО НУЖНО РАЗДЕЛИТЬ

Йоэль Регев. Невозможное и совпадение.
О революционной ситуации в философии /
Пер. с англ. П. Хановой; пер. с иврита
М. Макаровского. Пермь: Гиле Пресс,
2016. — 140 с.

Довольно часто знакомство с обыгрывающимся в философском трактате концептом происходит в процессе непосредственного прочтения и детального разбора. В случае же книги, которая является вот уже второй попыткой проблематизации объекта, нареченного в латыни *coincidentia*, оно может предшествовать не только прочтению, но даже созданию того, что, собственно, должно быть прочтено.

Анекдотически эту особенность рецензируемого текста выразил Михаил Куртов на одной из презентаций первой книги¹:

Когда был предложен дизайн обложки... случайно вышло на первый план слово «денто» [первое слово названия было разделено на три строки: коинси-денто-логия. — Н. С.]. Я выразил сомнение, стоит ли превращать книжку про коинсидентологию в дантистский трактат. Потом, в процессе обсуждения... сначала сломался зуб у меня, потом у Йоэля, потом не только у нас двоих, но и у ближайшего окружения².

Совпадение — центральный концепт метода коинсидентологии — есть то, что так или иначе случалось с каждым и что, выражаясь языком греческой всевременности, «было, есть и будет» со всеми. Как сказал редактор первой книги Павел Арсеньев, «это тот слу-

1. Регев Й. Коинсидентология: краткий трактат о методе. СПб.: Транслит, 2015.
2. Я знаю. Презентация книги «Коинсидентология»: Йоэль Регев, Михаил Куртов в «Я ЗНАЮ» // YouTube. 17.03.2016. URL: https://youtu.be/pZ_o1Jki5c.

чай, когда человеку с улицы можно в двух словах объяснить, о чем пишет Йоэль»³.

Подобная феноменальная близость — то революционное в совпадении, что позволяет коинсидентологии как новой науке о революции не ограничиваться конкретным экономическим классом, а охватить весь человеческий род и идти дальше — в космос, объявляя себя, таким образом, доктриной космического коммунизма. Но данный потенциал можно освободить, только освободив само совпадение от возможности быть принятым за «просто совпадение» или, напротив, за то, что должно было случиться с необходимостью (например, вследствие судьбы или жесткого каузального порядка). Революция требует создания революционной ситуации.

Понятие разрешения (зума) — та фигура, в которой совпадают эти два взаимозависимых этапа: с одной стороны, это повышение степени резкости (революционная ситуация), с другой — совершение увеличительного сдвига (сама революция). Оно раскрывает себя полностью в пространстве зум-онтологии — своеобразной технизации марксистско-ленинской диалектики абсолютной/относительной истины, где два вышеупомянутых принципа запускают механизм прояснения.

Прояснение есть непрерывный процесс нахождения «двух на месте одного» посредством зуммирующего движения, выстраивания коинсидентальных рядов и расшифровки совпадений, которые нам предлагается «удерживать-вместе», — своеобразная интерпретация мальбраншевой схемы, где место Бога занимает персональная ситуация отдельно взятого человека, позиционируемого как новый тип, тип Человека Проясняющего. Понятая в контексте философских трудов и соединенная с идеей войны, зум-онтология становится способом верификации концептуальных машин, проверкой на уровень детализации, который способен организовать их оптика. Философская мысль предстает историографией гонки вооружений за «оружие» с максимальным разрешением (в смысле увеличения). Концептуализация самой логики увеличения, как мы еще увидим, позволит автору констатировать неисправность всех концептуальных изобретений в философии последних двух столетий.

Рассматриваемая книга, что примечательно, перформативно усиливает обозначенные выше принципы. Являясь, по выра-

3. *chto delat*. Презентация книги Й. Регева «Коинсидентология: краткий трактат о методе» // Vimeo. 13.12.2015. <https://vimeo.com/148765667>.

жению самого автора, «максимальным прилеганием» опубликованных ранее статей, она отвечает двоякому прочтению термина разрешения, находящего выражение в разделах «Дефиниции» и «Резолюции». Она значительно полнее, нежели первая книга, демонстрирует содержание основных концептов, составляющих ядро метода коинсидентологии. При этом первая книга задается как «минимальное проникновение» двух ее частей. Это осуществляющий «первозамыкание» лозунг «Бейте его!», который указывает на местонахождение основного врага, но никоим образом не разъясняет, зачем нам, собственно, нужно его бить. Данная задача ложится на вторую книгу, где объяснение того, что же это за враг (Имманентное Невозможное), становится тактической необходимостью четырех Дефиниций, понимаемых как раз как стратегия «повышения степени резкости, которое не изменяет контуров данного». Имманентное Невозможное — тот остаток, который если и укладывается в имманентный порядок, то только в качестве невозможного. В каком-то смысле мы имеем дело с «доделанной» концептуализацией фигуры корреляционизма: автор не просто совершает указательный жест в сторону конкретных фигур и описывает механику их мысли — он вскрывает изнанку этого мыслеполагания, производящую силу, которая стоит за ним (что позволяет ему не просто указать на слабые места, но совершить разлом, радикально обнажить сам способ этого «делания» философии).

В перспективе «актуальной философской мысли», представляющей собой своеобразный фотографический снимок среза интеллектуальной истории от «первозамыкания» Канта до формирующего верхний пласт этого среза проекта спекулятивного реализма, Имманентное Невозможное предстает как неискоренимая болезнь, как источник философских «империалистических» войн. Задача коинсидентологии, обработав этот снимок и проявив затемненные места, показать, что «на месте одного находятся два», что война ведется всегда одной стороной против другой до полного уничтожения, без внимания к тому, из-за чего эта война вообще началась. А потому она никогда не заканчивается победой. Сам принцип нахождения «двух на месте одного» есть точка возможной трансформации империалистической войны в гражданскую. Примером такой трансформации может служить жест Канта в отношении эмпиризма и рационализма, о чем и говорит автор (в частности, на с. 9).

Логика поражения — своеобразное кредо стоящей по одну сторону этого противостояния «философии различия». Ее концепту-

альные машины («Бытие, письмо, Другой, „еврей“») объявляются неисправными:

...оптика различия не обладает достаточной степенью разрешения для того, чтобы разглядеть что бы то ни было, находящееся за его пределами (35).

Слабое увеличение «философии различия» ограничивает ее поиском на территории только одной из воюющих сторон, то есть там, где не видно настоящего врага, а потому обрекает ее на поражение. Единственное, что ей остается делать, — превращать свое поражение в победу. Подчиненная экономике Имманентного Невозможного, философия различия не рассматривает вопросы о реальном — они изымаются из проблемного поля подобно тому, как, по Хайдеггеру, забывалось Бытие.

Но, судя по всему, «философия победы» также не является разрешающей для автора («философия избытка»), представляя собой обратную сторону этого империалистического противостояния. Она намечает определенный сдвиг — некоторое остенсивное движение по отношению к остающейся сокрытой силе:

Машина избыточности... позволяет впервые сделать объектом рассмотрения тот способ производства данности неданного, который остается без изменения (33).

Но при этом она неспособна доделать этот шаг до конца.

И даже разметившие заново линии фронта спекулятивные реалисты, кажется, не способны совершить этот жест «доделывания» несмотря на то, что они вообще впервые схватывают настоящую цель происходящих военных действий, проблематизируя находящееся во власти экспроприации реальное⁴ и снимая частично кантовское «первозамыкание», которое поставило в центр «удерживание вместе данного и не данного» (19), до сих пор разделявшее философию на два противостоящих лагеря (жест, радикально недоступный ни для философии различия, ни для философии избытка).

Демарш против корреляционизма, настаивающего на невозможности доступа к реальности, и курс на эмансипацию объек-

4. Наиболее принципиальной, в связи с абсолютизацией математического дискурса, проблематизация реального-как-такового является для Мейясу. Подробнее см.: Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015.

та, закабаленного своими связями — имея в виду соответствующие программные заявления Квентина Мейясу и Грэма Хармана, — как оказывается, еще недостаточны: «...остается некая непроясненность, какой-то ключевой элемент конфронтации все еще скрыт дымом канонады» (55). Революции требуется разрешающий жест. Сделанные сдвиги — всего лишь некоторая волна, некоторое веяние, не имеющее под собой четкого стратегического плана. По большому счету спекулятивные реалисты обвиняются точно в том же, в чем обвинялась философия различия: концептуальные ресурсы не позволяют им провести детализацию такого уровня, чтобы проблематизировать сами основания ведения противостояния:

...как связаны тылы и фронт? Этот вопрос остается без ответа. <...> Каждая из противоборствующих сторон представляет собой союз между способом прикосновения, типом избыточности и претендентами на колонизацию реального. Такой союз образует «черный ящик»: единство, которое кажется само собой разумеющимся и никогда не ставится под вопрос (55).

Спекулятивный реализм, по мнению автора, недостаточно воинственен для обретения единства, способного сокрушить врага, — ему недостает подлинной революционности. Лозунги объявляются ответами, обнаруженный противник трансгрессирует обратно в изъятость, оставляя после себя лишь некое подобие призрака. Но что же тогда необходимо сделать, чтобы враг вторично ретерриторизовался на поле боя, дабы его можно было уничтожить, обратив на него мобилизованные силы и предотвратив «вечное возвращение этого коллапса в мысли последних двух столетий»?

Ответ... может быть дан только материалистической диалектикой совпадения, провозглашающей совпадение, то есть удержание-вместе-разделенного-как-такового, единственной субстанцией... (81).

Лишь удержание-вместе как способ совмещения оптики каждой из сторон и одновременно как обезличенная и выкристаллизованная ре-формулировка совпадения, по мнению автора, способно перевести империалистическую в войну гражданскую, а значит, обрести победу (но в совершенно другом, «разрешающем», смысле). Средства изобличения превращаются в средства разрешения, и точка их сходимости есть переход от революционной ситуации к революции.

Но хотя пафос вышеприведенной цитаты и кажется поначалу многообещающим и разрешающим, далее, в процессе непосредственной развертки идеологических основ этой философии «ни-ни», возникает сомнение, насколько эта ситуация нескончаемого безрезультатного противостояния способна сдвинуться благодаря коинсидентологии. Впервые оно возникает при попытке сопоставить этот курс на освобождение всего и вся с определенным совпадением, дающимся еще во введении: «Совпадение — партизанский отряд удерживания-вместе-разделенного, действующий в тылу невозможного» (11). Совмещая это определение с предыдущим (совпадение равно удерживанию-вместе), легко обнаружить диссонанс соотношений пары «совпадение/удерживание-вместе» как диссонанс горизонтального и вертикального расположения двух концептов. В контексте самой книги, как нам кажется, этот диссонанс коллапсирует в пользу вертикальности, задавая совпадение как подчиненное удерживанию-вместе. Всякое совпадение является совпадением, только если оно понято как удерживание-вместе-разделенного. Удерживание-вместе есть недостижимый предел совпадения как данности: опирающийся на различие садизма/мазохизма в качестве стратегического ниспровержения современных ему спекулятивных реалистов, сам автор как будто забывает применить это различие к себе. Реализация данной стратегии приводит ко вторичному утверждению Невозможного, на сей раз в качестве деимманентизированной фигуры, оставшейся на поле боя в качестве главного зачинателя революции, но устанавливающей очередной режим производства нового (присущий, как заявляется, только Имманентному Невозможному) как обратное поступательное движение совпадения к удерживанию-вместе⁵. Революция приостанавливается. Она не достигает апогея, а превращается в своего рода коинсидентальный сталинизм, где совпадению, как концепту, подхватившему волну космического восстания, навязывается некоторый горизонт возможного. В результате утверждается диктатура удерживания-вместе как гегемониальной структуры и отрезаются все иные возможности «быть». В этом смысле метод коинсидентологии есть утверждение ЧК, в чрезвычайном порядке устраняющей всех, кто может оказаться под подозрением, вернее, здесь прежде всего их демаркирующей. Играющий с метафорикой войны автор видит устрани-

5. Подробнее см.: Делёз Ж. Представление Захер-Мазоха // Делёз Ж., Фон Захер-Мазох Л., Фрейд З. Венера в мехах / Сост., пер. с нем. и фр. и комм. А. В. Гараджи. М.: Культура, 1992.

ние «войны одного против всех» в установлении политического режима, основанного на диктатуре объявленного основополагающим концепта. Самое парадоксальное, что указанные выше проблемы не подвергаются решению и в сериях «Резолюций», точнее, разрешение имеет место лишь в *Резолюции-1*, где коинсидентальным пролетариатом объявляется удерживание-вместе, но разрешение, как «изменяющее масштаб движение зума, трансформирующее данное» в *Резолюции-2* и далее, напоминает поспешное зашивание разрыва с той частью совпадения, которая была отсечена субстанциализацией.

Совпадение как данность и совпадение как философский концепт коллапсируют в удерживание-вместе, что кажется оправданным инструментом при работе с философскими дискурсами, но оказывается совершенно неоправданным при работе с опытом каждого. Вытесненный за пределы некоторого закрепощения, или, вернее, вмещения, опыт совпадения превращается в пустой звук, а значит, те самые совпадения, с которыми мы повсеместно встречаемся, остаются за бортом. Но именно опыт совпадения отторгает садизм удерживания-вместе, и возможное устранение этого отторжения заключается в балансировании между логиками садизма и мазохизма с применением последней по отношению к праксису, то есть в акцентировке внимания не на том, что совпадение должно быть чем-то, чтобы самоконституироваться, а на том, что же происходит, когда что-то с чем-то совпадает (в этом смысле мы отправляемся от данности, не проблематизируя ее, она становится для нас некоторым «здесь и сейчас», обусловленным мазохистской логикой договора).

Пока же нужно заметить: экспликация садистской логики в практике приводит к необратимым последствиям. Вспоминая случай с зубами, о котором говорилось в начале настоящего текста, необходимо признать, что, как выясняется, коинсидентология в ее текущем состоянии не обрела средств для расшифровки опыта совпадений. Она предложила лишь средства, работающие с историко-философским дискурсом, не способные выйти в актуальный порядок того, что с нами случается. И совпадения, не укладывающиеся в установленные рамки, она способна привлекать только как риторический или, будет лучше сказать, анекдотический прием, и никак иначе.

Никита Сазонов